

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ИРИНЫ АНАТОЛЬЕВНЫ РУСЯЕВОЙ

СТУДЕНЧЕСКИЙ АНСАМБЛЬ СТАРИННОЙ МУЗЫКИ

«MUSICA REDIVIVA»

Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского

(воспоминания)

С ансамблем старинной музыки меня связывало всего несколько лет моей жизни: с 1981-го по 1985-й годы, но этот небольшой временной промежуток оставил мне много приятных воспоминаний, творческого опыта и знакомства с незнакомой мне музыкой европейского Ренессанса.

Однажды, в конце августа 1981-го года, как раз перед началом учебного года я зашла в школьную библиотеку за нотами, чтобы запастись необходимыми учебниками по сольфеджио и теории музыки. В то время на должности библиотекаря работала Елена Александровна Полина – приятная женщина средних лет. Я знала, что её дочь Женя уже закончила фортепианное отделение ЦМШ и учится в консерватории. Елена Александровна взяла мою заявку и пошла вглубь библиотеки за нотами, а Женя, вся заплаканная, вышла в помещение, в котором принимались заявки. Сухо со мной поздоровавшись, она села в углу и стала всхлипывать. Я не стала задавать ей вопросы, чтобы не расстраивать ещё больше: было ясно, что у человека большие неприятности. Елена Александровна вернулась с нотами, а я стала расписываться в формулярах, время от времени смотря на Женю, которая тем временем перестала плакать и громко сморкалась в носовой платок.

-У Жени возникли проблемы, - сдержанно сказала мне библиотекарь, – на творческой почве, - добавила она, уловив в моих глазах немой вопрос.

-Понимаешь, Ирочка, Женя решила организовать в консерватории ансамбль старинной музыки. Людей она набрала, в основном, на дирижёрско-хоровом факультете, мальчиков и девочек с младших курсов. Летом мы всей компанией поехали отдыхать на дачу, а заодно надо было подружиться, выучить репертуар и сшить костюмы, стилизованные под Возрождение. Но...

-Мама, перестань, - крикнула Женя, зло сверкнула глазами и опять заплакала. – Ты не понимаешь, что делаешь мне больно?

-Извини, дочка, я не хотела. Но, может быть, стоит посоветоваться с Ирочкой? – стушевалась Елена Александровна, на некоторое время замолчала, а потом продолжила.

-Ну вот, мы какое-то время жили дружно, ходили в магазины, готовили еду, загорали, купались в речке, а также разучивали репертуар к концерту в Малом зале консерватории. Кстати, у нас предполагался концерт первого октября. Уже афишу заказали в типографии и программу напечатали. Но вдруг всё закончилось, не начавшись. Это был шок.

-А что случилось? – спросила я из вежливости, потому что не привыкла лезть в чужие дела. Ноты я положила в сумку и уже собралась уходить.

-Давай я сама всё Ире расскажу, - подошла Женя. – Пошли к стеллажам, там нам никто не помешает.

Мы пошли в библиотеку и остановились около стеллажей с книгами русских классиков.

-Ну вот, Ирэн, я тебе сейчас всё расскажу (почему-то Женя стала меня называть на французский манер, но мне было не привыкать: моя сестра иногда тоже так ко мне обращалась. Для меня это до сих пор тайна. Вроде, французских кровей у нас в семье не было. Немецкая точно есть, как по материнской линии, так и по отцовской. Ответить на этот вопрос ни та, ни другая мне в своё время не могли. Просто называли – и всё).

-Понимаешь, сначала было так всё хорошо, даже замечательно, но потом, примерно через месяц нашего совместного отдыха, все как будто взбесились: стали нам с мамой грубить, хамить, а потом и вовсе заявили, что с них хватит и нам пора расстаться навсегда. Собрали вещи и уехали, не попрощавшись.

-А что произошло? Были какие-то важные причины для такого решения? Как-то это всё странно, - задумчиво произнесла я.

-Не знаю, мне всё это тоже показалось странным. Может, их клещи покусали или малярийные комары, и они заразились бешенством? Да ну их в баню. Дело прошлое. Слушай, а у тебя какой голос? – вдруг заинтересованно произнесла Женя. – Можешь спеть по нотам с листа вот это? – и она достала из сумки большой лист нотной бумаги, плотно исписанный нотами.

-Конечно могу, я с листа свободно читаю, любой текст.

-Вот и славненько. Давай попробуем.

Тут я хочу отвлечься от повествования и показать, насколько тесен наш мир. Дело в том, что несколько лет назад мне позвонила знакомая и попросила

проконсультировать одного мальчика-подростка, который собирался поступать в ЦМШ. Я согласилась и разрешила ей дать этим людям мой номер телефона, потом мне позвонил отец мальчика и мы договорились о дне и времени, когда его сын и жена смогут ко мне приехать. На следующий день они ко мне и приехали. Прослушав абитуриента, который собирался поступать на скрипку, я поняла, что парень очень талантливый, абсолютник, настоящий вдумчивый музыкант, хорошо воспитанный, но как это обычно бывает, у него были пробелы в образовании, которые можно было быстро закрыть. Тем более что мама мальчика (дама среднего возраста, приятная во всех отношениях) в своё время закончила дирижёр Московской консерватории и могла заниматься с сыном дома, чтобы быстрее научить его правильно писать диктанты, слушать интервальные и аккордовые цепочки, выучить необходимую теоретическую часть, а также строить и разрешать тритоны в мелодическом миноре. Беда почти всех учеников с абсолютным слухом в том, что они понимают запись диктанта как спринтерский бег, то есть во время проигрывания ставят точки, а потом оформляют ритм. И чтобы, чем быстрее, тем лучше. Если это многоголосие, то сначала стенографируют мелодию, а потом подгоняют под неё всё остальное. Этот метод «записи» диктанта, который является ничем иным, как потерей времени и никак не содействует выработке необходимых навыков, остаётся на совести недобросовестных преподавателей. Возможно, их в своё время тоже так учили. Нам эти проблемы надо было срочно решать, чтобы до приёмных экзаменов всё успеть.

В общем, во время урока мама мальчика всё старательно записывала, а потом мы разговорились на разные методические темы. В течение долгого разговора вдруг выяснилось, что эта женщина была в первом составе того самого ансамбля, с которым потом свела меня жизнь. Оказывается, почти весь состав несостоявшегося ансамбля (кроме двух братьев Барсуковых – Саши и Вани, первый из которых был, так сказать, гражданским мужем Жени) взбунтовался из-за того, что к ним относились как к крепостным крестьянам: пойдешь туда, сделай это. Все эти команды произносились в приказном тоне и возражения пресекались в зародыше. Больше месяца ребята не выдержали и сбежали, решив больше никаких дел с Полиной и её семьёй не иметь. Я конечно была удивлена, потому что с Женей всегда находила общий язык, а из ансамбля ушла по причинам, о которых расскажу позже. Но, скорее всего, в данном случае причиной разрыва были бытовые проблемы. Хотя, во время моего пребывания в ансамбле состав менялся чуть ли не каждый месяц. Очень редко кто-то задерживался на более длительное время, за исключением, меня, Тани Суворовой, Жени Тулинова и Димы Ключева. Да и то: Таня и Женя через некоторое время тоже ушли, а Дима закончил училище и был призван в армию. Правда, через два года он вернулся, поступил в консерваторию и опять захотел петь и играть в ансамбле, что ему и было позволено. Не спорю, что у Жени

был характер диктатора, и её мама ходила у неё по струнке, но для руководителя творческого коллектива это необходимо. Без строгой дисциплины тут никак не обойтись. Конечно, не всем это нравилось, вот люди и уходили. Возможно, из-за такой текучки ансамбль и не поднялся на высокий профессиональный уровень, а потом и вообще распался.

Итак, Женя определила мой голос как альт, хотя я всегда считала, что у меня сопрано. Предложение попробовать себя в ансамбле я приняла: меня всегда привлекало всё новое и необычное. Репетиции должны были проходить вечером, в одном из консерваторских классов, что мне было тоже удобно: после второй смены я спокойно шла из школы в консерваторию. В общем, Женя дала мне большую пачку рукописных нот и попросила выучить мою альтовую партию как можно быстрее. В составе ансамбля оставались братья Барсуковы, с которыми я познакомилась позже, но они очень часто репетировали отдельно от вокалистов, потому что один из них играл на гитаре, а другой – на скрипке. Певческих голосов у них не было.

-У меня на примете есть ещё двое: Серёжа Мороз и Таня Ревзина, - радостно сказала Женя, слёзы на её лице давно высохли. – Я с ними уже поговорила, но они пока думают. Так что, возможно, наш концерт и состоится. Всё зависит от нас: насколько быстро мы сможем выучить репертуар. Кстати, мы летом уже начали шить концертные костюмы. Приходи завтра вечером на репетицию, а я захвачу твой костюм. Крой там свободный, поэтому, я думаю, что ты сможешь подогнать его по своей фигуре.

На том и расстались, договорившись встретиться на репетиции и уже начать петь в ансамбле. Я поехала домой, изучая в метро свои партии и загоревшись такой интересной идеей: познакомиться с незнакомой мне музыкой эпохи Ренессанса. Конечно, в своё время, на первом курсе консерватории мы изучали по учебнику И. Р. Грубера музыку ранних эпох, но это было давно, не очень подробно и основательно забылось. Хотелось изучить произведения, написанные в то время изнутри, не только как слушателю, но и как исполнителю.

Репертуар был обширный, и у меня сразу закрались сомнения: смогу ли я за такой короткий срок (чуть больше месяца) выучить наизусть все эти партии. Естественно, мадригалы из разных стран Европы были написаны на языках тех стран, в которых они были сочинены, т.е. на немецком, английском, итальянском, французском, а духовная музыка на латыни. Эта сторона вопроса была для меня не так уж и важна: немецкий я успешно учила в школе и консерватории, желание выучить другие языки, включая латынь, у меня было всегда. Дома было много учебников, аудиокурсов и самоучителей, и

некоторые знания у меня были. Но вечно не хватало времени или желания довести эту тему до какого-то приемлемого уровня. Главное, что я могла правильно произносить слова, хотя часть текстов мадригалов была написана на старофранцузском или староанглийском языках. Непонятные слова можно было перевести по словарю, коих у меня дома тоже было множество. Сомнения, конечно, появились, но раз я дала слово, значит, надо было его сдерживать.

На следующий день я, как обычно, поехала на работу, а после последнего урока направилась в сторону консерватории. Мы договорились с Женей встретиться около входа в Малый зал. Подходя к консерватории, я увидела Женю, двух ребят и девушку очень маленького роста, которые оживлённо беседовали и смеялись. Ну, значит, всё в порядке, - решила я и подошла к группе. Женя тут же познакомила меня с первокурсниками – виолончелистом Серёжей Морозом, приятным блондином с голубыми глазами, и Таней Ревзиной – молодой и очень активной девушкой. Серёжа Пугачёв – симпатичный молодой парень, высокого роста и с кудрявой шевелюрой, оказался ударником со второго курса консерватории. Разница в возрасте у нас была приличная, но я уже достаточно долго преподавала, общалась не только с детьми и подростками, но и с выпускниками, находя со всеми общий язык.

-Ну, все в сборе, пошли, а Саша и Ваня позже подойдут, - скомандовала Женя. Мы вошли в консерваторию, немного подождали около диспетчерской, в которой Женя взяла ключ от свободного класса, и направились на третий этаж.

В классе мы удобно у ourselves, достали ноты и начали репетировать. Первый блин, как это обычно и бывает, оказался комом. Несмотря на то, что у всех был хороший слух и вполне приятные голоса, пение в ансамбле оказалось для всех сложным – из-за отсутствия опыта. В программе были дуэты, трио и квартеты, а также соло, которое Женя пела сама. Я принимала участие в нескольких трио и квартетах.

-Нет, ребята, так дело не пойдёт, давайте ещё раз, медленно, - постоянно повторяла Женя, недовольно хмурясь, и мы с энтузиазмом повторяли трудное место много раз.

В общей сложности мы прорепетировали больше двух часов, и у нас что-то стало получаться. Но, конечно, надо было приложить ещё много усилий, чтобы выйти на какой-то более или менее приемлемый уровень. Каждый из нас получил пакет с костюмом, который надо было примерить дома и самостоятельно довести до ума.

Дома я достала из пакета свой костюм, вернее, длинное платье-балахон со шлейфом из голубой саржи, разложила его на диване и пока оставила. Надо было к нему присмотреться, померить и решить, что с ним можно было сделать. Нам всем было дано ещё одно задание: купить чешки, приделать к ним длинные острые носы из картона, а потом обшить каким-то материалом, лучше шёлком, чтобы соответствовать моде того времени.

Вопросы с костюмом решались довольно просто (позже я украсила платье чёрным бархатом, кружевами и жемчугом, сделала себе украшение на голову тоже из жемчуга), намного сложнее было выучить наизусть свои партии, отрепетировать и, кстати, запомнить все мизансцены. Тут у меня закрались сомнения. Они не покидали меня вплоть до самого концерта в Малом зале консерватории, который всё же состоялся.

Репетиционный процесс пошёл очень активно. Мы собирались каждый день, иногда по два раза. Что-то получалось неплохо, что-то совсем не ладилось, и это плохо сказывалось на микроклимате в нашей небольшой группе. Проще всего было инструменталистам, которые давно выучили свои партии наизусть и успели сыграть. Но что было делать нам – вокалистам? Все сомневались в том, что выучить такой объём материала за столь короткое время реально. У меня тоже были нервные срывы, когда я приезжала вечером домой. Несколько раз ноты врассыпную летели на пол, и я давала себе слово позвонить Жене и отказаться от такой авантюры. Но потом, остыв и выпив чая с пирожными, я опять брала ноты в руки и садилась за пианино, чтобы продолжить учить свои партии.

Время концерта неумолимо приближалось. Мы уже несколько раз репетировали на сцене Малого зала. Были даже костюмные репетиции. Все сделали себе тапочки с длинными носами, что было очень неудобно, потому что подошвы наших длинных платьев постоянно цеплялись за эти носы. Иногда мы даже наступали друг другу на ноги и падали. Но это были мелочи, которые потом, после концерта можно было исправить. Женя наконец перестала на нас давить и разрешила петь по нотам. Это справедливое решение было принято на «ура» и удвоило наши силы. Мы поняли, что с поставленной задачей справимся, и стали приглашать на наш первый концерт всех родственников, друзей и знакомых, благо, что концерт был бесплатный, но для избранных, т. е. по пригласительным билетам.

В общем, концерт состоялся и даже имел успех. Зал был заполнен доброжелательной публикой, которая аплодировала после каждого номера. Мы были довольны, хотя и считали, что программа была сырая. Но что было делать, если времени катастрофически не хватило на серьёзную подготовку?!

После концерта репетиции продолжились, хотя и не в таком авральном режиме. Мы решили доучить старую программу и взять в работу новые произведения. Кроме того, остро встал вопрос о том, чтобы купить и освоить блокфлейты, а также научиться на них играть. Эти инструменты продавались в магазинах, они были довольно дешёвые и качество вполне соответствовало цене. Но заказывать дорогие флейты мы пока не могли. В конце концов, я приобрела три блокфлейты: сопрановую, альтовую и теноровую. Потом купила толстый самоучитель на немецком языке. Мне поручили сделать перевод, так как все остальные ребята учили английский. Вот мне и пришлось засесть за перевод, со словарём, а потом распечатать этот материал на пишущей машинке, чтобы потом раздать ребятам. Также встал вопрос о том, чтобы создать свою кассу и пополнять её взносами и штрафами за опоздания на репетиции. Эти деньги потом пошли на покупку имитаций старинных инструментов, таких как фидель и лютня. Они считались собственностью ансамбля и передавались новым участникам, когда старые уходили. Позже мы с Женей купили за свой счёт и клавесин, который надолго поселился у неё дома, и она заказывала его доставку на наши концерты, которые проходили довольно часто, а также необходим был настройщик клавесинов (довольно редкая специальность). Все эти расходы оплачивались из общей кассы.

Выступали мы довольно часто. Кроме вокальных ансамблей в программу можно было включать и инструментальные пьесы, т.к. все уже худо-бедно играли на флейтах. Женя активно пользовалась своими связями, договаривалась, чтобы нам предоставляли концертные площадки или несколько номеров в сборных концертах. Помню наш концерт в Доме учёных, в котором принимал участие певец А. Градский и многие другие известные исполнители. Могу назвать такие престижные площадки, как Малый зал ЦДРИ, Рахманиновский зал консерватории, Дом учёных, Дом дружбы с народами зарубежных стран (особняк Арсения Морозова), Дом композиторов, различные ДМШ и т.д. Как правило, нас ждал или оглушительный успех, или такой же громкий провал. Особенно мы опозорились на прослушивании в Москонцерт, куда нас, что вполне естественно, на работу не взяли. Это было понятно: новые участники, которые не были профессионалами, а любителями (помню программиста и химика) часто терялись при исполнении своей партии и останавливались, хотя остальные продолжали исполнять мадригалы в усечённом составе. Не знаю, где Женя находила этих взрослых мужчин, но надолго они не задерживались.

Через некоторое время мы слегка обнаглели и даже замахнулись на мадригальную комедию Банкьери «La pazzia senile», которую учили довольно долго. Премьера прошла в музее им. Глинки и имела успех. Помимо вокальных и инструментальных мы ставили и танцевальные номера. Женя

нашла где-то педагога-хореографа, который учил нас правильно двигаться по сцене и исполнять танцевальные па того времени. К этому концерту я самостоятельно, вручную сшила себе красивое платье из коричневого бархата с пышными шёлковыми рукавами и нижней юбкой, предварительно изучив многочисленные искусствоведческие книги с женскими портретами времён Ренессанса. Но потом костюм пролежал на антресоли долгие годы, потому что я из ансамбля ушла, а он только место занимал. И я его выбросила, без сожаления, как и первое голубое платье со шлейфом. Что делать? Время прошло, и всё изменилось.

Меня, как самую старшую и ответственную, Женья назначила казначеем. Я купила толстую амбарную книгу, в которую записывала приход и расход. Всё время нахождения в составе ансамбля мне приходилось копить деньги, взимать штрафы с опоздавших, а потом выдавать Жене нужную сумму на покупку того или иного инструмента. О своих костюмах все заботились самостоятельно, и общие деньги на это не тратили. Мы с Женей некоторое время брали уроки вокала у одного из профессоров ГИТИСа, естественно, за свой счёт. Это тоже было полезно и интересно.

Часто мы всей компанией ходили на концерты «Мадригала» и «Хортусов», когда те давали концерты в Москве. В 1983-м году наш ансамбль был приглашён на Летнюю школу старинной музыки в г. Вильянди, где мы познакомились с ансамблями из других республик Советского Союза, в основном, из Прибалтики. Это было интересно, приехало много мальчиков и девочек, которые по мере своих сил и возможностей исполняли музыку эпохи Возрождения, на любительском уровне. Потом мы несколько дней провели в Таллине, осмотрели достопримечательности, походили по магазинам.

Однажды мы на двое суток ездили в Ленинград. Там мы встречались с Алексеем Любимовым в мастерской, где изготавливали копии старинных инструментов, ходили на концерт в филармонию. В целом, общения с разными музыкантами, занимавшимися в то время старинной музыкой, было немало. Иногда кто-то из них приходил на наши концерты, делал замечания, делился опытом. У Жени, как я уже говорила, планы были очень амбициозные. Она хотела создать профессиональный ансамбль старинной музыки, который бы не уступал уже существующим в то время подобным коллективам. Но дело в том, что сложно было воплотить в реальность эту мечту со случайными людьми, которые приходили и уходили. Конечно, костяк был, но он мало что решал. Ключев мне потом рассказывал, что в Москонцерт они всё-таки пробивались, стали ездить на гастроли в глубинку, но это было очень тяжело физически и неинтересно с материальной точки зрения, и люди продолжали

уходить. Потом, поняв, что перспектив нет, Женя продала квартиру и всё имущество и уехала из страны.

В общем, со временем я потеряла интерес к ансамблю, да и физически это было тяжело. И в самом деле: отработав две смены в школе надо было бежать на репетицию или на концерт, поздно вечером без сил вернуться домой, а на следующий день опять с утра пораньше ехать на работу. Произошло физическое и моральное выгорание. Какое-то время я сомневалась, а потом поговорила с Женей, всё ей объяснила и сдала кассу, в которой было немало денег. Женя меня поняла и не стала уговаривать. Её мама вернула мне мои деньги за клавесин. Больше мы не виделись. Таким образом наши творческие пути разошлись. Повторюсь, что для меня это было хобби, временное увлечение. Менять профессию я не собиралась, навсегда связав свою жизнь с педагогикой и созданием учебных пособий, которые сразу стали популярными.

Вот так закончилось моё пребывание в этом ансамбле. Я долго думала, прежде чем решиться на такой шаг, но аргументы за уход были в абсолютном большинстве. И в самом деле, бросать работу в любимой школе, alma mater, с которой у меня была неразрывная связь в течение всей моей жизни, приличный педагогический стаж, ученики, реноме опытного педагога, мои учебники, в конце концов. Да и мама старела, тяжело болела и требовала повышенного внимания и заботы, особенно когда её стали надолго укладывать в больницу. Я не могла всё это бросить, вырвать себя из привычного, родного климата из-за призрачных планов Жени Полиной стать наконец профессиональным ансамблем, из-за концертов и гастролей по всей стране, минимальной ставки оплаты такого рода работы. Это артисты из шоу-бизнеса могли в то время зарабатывать приличные деньги, собирая стадионы, а какой-то никому не известный ансамбль с полупрофессиональными участниками и мало кому интересной музыкой был обречён влачить жалкое существование. В общем, так оно и получилось. Ансамбль просуществовал ещё несколько лет, а потом распался. Женя за это время родила без мужа ещё одного ребёнка, а потом и вообще уехала на ПМЖ в Израиль, забрав маму Елену Александровну и двух дочек. Подробности я знаю от Димы Ключева, с которым мы периодически перезванивались или встречались в метро, когда я отдавала ему ноты. Должна сказать, что за годы пребывания в ансамбле у меня образовалась целая библиотека из нот эпохи Возрождения, которые мне потом стали не нужны. Я их скупала пачками в нотных магазинах (выбор был большой) и изучала в свободное время. Дима же позже, после распада коллектива, организовал собственный любительский ансамбль старинной музыки, который существует и до сих пор. На некоторые концерты он меня приглашал,

и я ходила в маленькие, уютные, прекрасно отреставрированные зальчики бывших дворянских усадеб в центре Москвы, получая свою порцию удовольствия.

Но ансамбль время от времени напоминает о себе. Про Диму я уже сказала. Кстати, несколько лет назад он обратился ко мне с просьбой подтянуть по сольфеджио и гармонии его сына, который заканчивал училище и собирался поступать в РАМ. Нашёл он меня через мой сайт и написал письмо на электронную почту. Женю Тулинова я иногда вижу на экране телевизора, когда показывают концерты «Хора Турецкого», в котором он работает долгие годы. Таня Ревзина вышла замуж за Марка Разовского, главного режиссёра театра у Никитских ворот. Они тоже изредка появляются на экране телевизора. Лично Таню я не видела с тех пор, как она ушла из ансамбля. Несколько лет назад я получила письмо на электронную почту, через свой сайт, от Саши Чазова. Оказывается, он много лет назад уехал на ПМЖ в США, живёт в Нью-Йорке, имеет свою студию звукозаписи. Саша вдруг задумал написать статью в русскоязычный вариант Википедии об ансамбле и попросил ему помочь. Ну, я сделала всё, что могла, и статья появилась. Честно говоря, мне это было совершенно не нужно, но помочь человеку я посчитала необходимым. Вероятно, появление статьи и фотографий пощекотало его самолюбие, можно было похвалиться перед знакомыми или повысить самооценку, но это его дело.

В начале двухтысячных годов мне позвонила Женя, которая привезла с собой одну из дочек, чтобы показать Москву. Мы договорились встретиться, но потом она перезвонила и отменила встречу из-за каких-то срочных дел. С тех пор я её не видела и не слышала. Кстати, я пыталась найти Женю через интернет, а Чазов – через англоязычные социальные сети, но наши попытки успехом не увенчались, к сожалению. Да и кто знает – жива ли она? Всякое бывает.

Совсем недавно мне написала письмо Анна Пастушкова – в то время аспирантка Московской консерватории, которая училась у М. Сапонова, а он в своё время иногда курировал наш ансамбль. Аня собирала материалы для сборника материалов о работе научно-студенческого общества в истории консерватории, и ей понадобилась фотография нашего концерта в ЦДРИ в 1983-м году. На этой фотографии я с двумя Женями – Полиной и Тулиновым исполняю один из мадригалов эпохи Возрождения. У меня такая фотография была, причём, в отличном качестве. Я её отсканировала и отослала Ане. Сборник в скором времени вышел, и я получила его в подарок с дарственной надписью. Меня приглашали на презентацию в консерваторию, но это было время разгара пандемии коронавируса, масочного режима, и я не рискнула поехать, тем более что прививку сделала позднее. Через некоторое время Аня

обратилась ко мне с просьбой подтвердить согласие на публикацию этой же фотографии в Большой Российской Энциклопедии. Естественно, я такое согласие подписала и отослала издателю. Конечно, мне было очень и очень приятно. Таким неожиданным образом наш ансамбль вошёл в историю. Наверное, контактировать с этими людьми логичнее было бы Жене Полиной, как бывшему руководителю, но её никто не нашёл, как ни старался. И если не я, то кто?! Риторический вопрос. Очень жаль, что кроме нескольких чёрно-белых фотографий от ансамбля не осталось аудио и видеозаписей. Возможно, они были у Жени, но кто это знает?..

В заключение хочу сказать, что это время было для меня очень интересным, творческим событием, когда я многому научилась, а также познакомилась с очень интересной, необыкновенной музыкой эпохи Возрождения. Такие вещи не проходят незамеченными. Они обогащают и возвышают человека над повседневностью. И неважно – какие были последствия. Всё равно полученный творческий опыт откладывается в жизненную копилку и иногда возвращается в виде приятных воспоминаний о давно забытом времени. А это дорогого стоит.

Закончить свой рассказ я хочу на оптимистической ноте, используя для этого слова одного из немецких мадригалов (если я не ошибаюсь, этот мадригал в своё время написал Х. Л. Хасслер): «Tanzen und schpringen, singen und klingen. Tra-la-la-la, tra-la-la-la, tra-la-la...». Думаю, что без перевода и так всё ясно.

Этим произведением мы обычно заканчивали все концерты. Пели хором, а Женя Полина отбивала ритм на бубне. От себя хочу добавить, что не надо бояться пробовать в этой жизни что-то новое, интересное, необычное, особенно, когда этот поиск связан с Высоким искусством. В любом случае человек пополняет свою копилку, свой творческий и человеческий багаж новыми впечатлениями, новым опытом, знакомством с интересными людьми, а нередко и единомышленниками. И неважно – в какую сторону идёшь дальше. Главное – здесь и сейчас получать новые впечатления, вкладывать в новое дело все свои силы, свою душу, отдавать своё творчество людям, слушателям и зрителям, которые всегда оценят и поддержат.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья из Википедии, написанная Александром Чазовым

ВИКИПЕДИЯ

Musica Rediviva

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

Musica Rediviva (с лат. — «Возрождённая музыка») — ансамбль старинной музыки, был организован в 1980 году студентами Московской Государственной Консерватории им. П.И. Чайковского.

Его создателем и руководителем была Евгения Полина. Концертные программы ансамбля основывались на малоизвестной вокальной и инструментальной западноевропейской музыке Средневековья и Возрождения.

Ансамбль создавал на выступлениях атмосферу далёких веков. Участники сами шили костюмы, стилизованные под Средние века, играли на струнных, духовых и ударных инструментах, созданных по рисункам и чертежам времен Средневековья и раннего Возрождения.

За годы существования ансамбля было найдено и исполнено множество неизвестной музыки, мадригалов Германии, Франции, Италии, Англии.

Ансамбль был востребован и популярен в г. Москве. Его часто приглашали на престижные сцены: в Малый и Рахманиновский залы Московской консерватории, ЦДРИ, Дом композиторов, Дом учёных, Дом дружбы с народами зарубежных стран и многие другие залы столицы.

Выступление ансамбля в Центральном доме работников искусств в 1983г.

На сцене: Евгения Полина, Ирина Русяева, Татьяна Суворова, Сергей Пугачев

Выступление ансамбля в Рахманиновском зале Московской консерватории в 1983г. На сцене: Евгения Полина, Евгений Тулинов, Ирина Русяева, Дмитрий Ключев

Участники ансамбля тесно общались с творческими коллективами «Мадригал» с Алексеем Любимовым и «Hortus Musicus» с Андресом Мустоненом, были участниками фестивалей старинной музыки.

Выдержка из статьи Ларисы Кириллиной

(сборник «Студенческое научно-творческое общество в истории Московской консерватории», Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, 2020)

Для исполнения старинной музыки при СНТО в 1980 году сформировался ансамбль ранней музыки «Musica Rediviva» под руководством Евгении Полиной. Музыкальный коллектив был организован студенческими силами. В его состав вошли: Ирина Русяева, Татьяна Ревзина, Татьяна Суворова, Дмитрий Ключев, Евгений Тулинов, Александр Чазов, Сергей Пугачёв, Иван и Александр Барсуковы, Елена Скворцова и другие.

Музыканты сотрудничали с ансамблями «Мадригал» и «Hortus Musicus». Наряду с ними «Musica Rediviva» была одним из пионеров в исполнении вокальной и инструментальной западноевропейской музыки Средневековья и Возрождения, и, в частности, композиторов: А. Банкьери, Дж. Гастольди, Дж. Доуленда, Дж. Каччини, О. ди Лассо, Дж. Палестрины, Х. Л. Хасслера и многих других.

**Концерт музыки эпохи Ренессанса в ЦДРИ. 1983 год.
Выступает ансамбль «Musica Rediviva». Слева направо:
Евгения Полина (руководитель ансамбля), Евгений Тулинов и
Ирина Русяева**

ФОТОГРАФИИ ИЗ МОЕГО АРХИВА

Наш первый концерт 1 октября 1981 года

В Малом зале консерватории

Концерт в ЦДРИ в 1983 году

Таллин, конец августа 1983 года

**Г. Вильянди (Эстония), август 1983 года.
Участники Летней школы старинной музыки,
организованной Андросом Мустоненом,
руководителем ансамбля «Hortus Musicus»**

Фото, сделанное перед возвращением в Москву

